

новления авторства, нам пришлось бы отказаться от имен почти всех античных и средневековых авторов; пострадали бы и многие писатели нового времени, предпочитавшие диктовать произведения своим секретарям или печатать их на машинке.

Главный критерий для установления авторства Ивана IV по отношению к произведениям, подписанным его именем (и даже по отношению к произведениям, написанным от имени других лиц), — совершенно своеобразный литературный стиль этих произведений. Уже писатели начала XVI в. ввели в русскую литературу приемы острой публицистической полемики; в творчестве Ивана Грозного эти приемы достигли особого развития. Живой спор с противником, обильные риторические вопросы по его адресу, издевательское пародирование аргументов оппонента («кто же убо желает такова ефиопьска лица видети?» — в послании Курбскому) и вместе с тем нередкие обращения к его рассудку («ты бы сам себе поразсудил») — эти особенности проходят через все изданные нами послания Ивана IV; характерны они и для многих посланий, которые до сих пор издавались лишь как дипломатические документы.³ Устные основы писательской манеры царя сказываются в большем количестве простонародных, «грубых» выражений («ты, взяв собачей рот, хочеш на посмех лаяти» — в послании Иоганну III), в своеобразном синтаксисе, при котором одно предложение вклинивается внутрь другого, образуя как бы замечание в скобках («и ты там спрося уедай!», «и нам того как утаити!»).⁴ И что особенно важно, перечисленные особенности обнаруживаются в посланиях Ивана IV начиная с 50-х годов (ср. послание Сигизмунду-Августу февраля 1558 г.) и кончая последними годами его жизни (послание Баторию 1581 г. и др.). А между тем мы не могли бы назвать ни одного близкого к Грозному человека, который сохранил бы милость царя в течение всего этого срока. Адашев умер в опале в 1561 г.; Висковатый был казнен в 1570 г. Сподвижники Грозного в последние годы его жизни, Бельский, Годунов, — люди по преимуществу «неписьменные», деловые политики. Нет ни одного человека, чью образованность и специфический литературный стиль историк мог бы «выдать за образованность самого Ивана IV».

В пользу принадлежности Ивану Грозному основных литературных произведений, подписанных его именем, говорит еще одно соображение.⁵ Если бы автором царских посланий был не сам Иван IV, это обстоятельство отметили бы его современники, и прежде всего враги Грозного. Курбский был до своего бегства близок ко двору и хорошо осведомлен о личных делах царя и его окружения; если бы он знал, что за Грозного пишут другие, он не преминул бы использовать такой аргумент. Курбский едко высмеивал литературную манеру царя, характеризуя ее как «неистовых баб басни»; он, однако, нисколько не сомневался в том, что осмеиваемые им произведения принадлежат царю, а не какому-либо иному лицу.

Нет оснований для подобных сомнений и у нас. Как бы мы ни расценивали историческую роль Ивана IV, как бы ни относились к его лич-

³ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 27, 57, 156, 215, 219, 224, 225 и др. Ср. дипломатические послания: Сборник Русского исторического общества, т. 59, СПб., 1887, стр. 539; т. 71, СПб., 1892, стр. 55—63, 170—173, 354—362, 442—446, 673; т. 129, СПб., 1910, стр. 216—218, 259—264 и др.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 152, 160, 193, ср. стр. 276.

⁵ Ср. замечания по этому поводу А. А. Зимина (ВИ, 1952, № 9, стр. 200).